

Полина Сони́на

*Окна на одну
сторону*

Полина Сони́на

Окна на одну сторону

«Автор»

2026

Сони́на П.

Окна на одну сторону / П. Сони́на — «Автор», 2026

Небольшой провинциальный городок в далёкой Сибири. Здесь спокойное течение жизни также однообразно и предсказуемо, как и режим дня детсадовца или пенсионера без каких либо увлечений. Но после необычной находки в стенах подвала старого купеческого особняка в городе начинают происходить странные вещи. Кто-то забрался в здание местного музея, но ничего не взял, вскоре на директора этого же музея совершено покушение... Кто этот человек, который действует такими методами, и какую цель преследует? В этом предстоит разобраться сотруднице музея Анне Кузнецовой и следователю Сергею Ефимову. Только смогут ли они разгадать замысел преступника, и при этом остаться в живых?

© Сони́на П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16

Полина Сони́на

Окна на одну сторону

Глава 1

30 апреля -1 мая 2021, пятница-суббота

Майский лес уже проснулся от зимней спячки. Казалось, что именно под пение птиц на берёзах появилась листва, светившаяся таким ярким, свежим цветом, который бывает только в самом начале, когда листики ещё молодые и сочные. Все блестело и искрилось сейчас после дождя. Солнце пробивалось сквозь раскидистые ветки, наполняя рощу, а, вместе с ней и душу, тем сказочным светом, какой бывает на картинках в детской книжке. Берёзовая роща, находящаяся сразу за выездом из города, была излюбленным местом грибников. Грибы пока не пошли, и делать в ней простому горожанину в начале мая было нечего. Пикники тут тоже никто не устраивал. Так уж повелось, что местные, строго соблюдая правило беречь лес от огня, никогда не устраивали посиделок в этом лесу. Прекрасно понимая, что, случись пожар, остановить его будет невозможно. В сотне метров начинались жилые дома, частный сектор, который при наличии ветра, вспыхнул бы как спичка. Для посиделок у костра под гитару и незатейливые горячительные напитки молодёжь использовала берег реки, находящейся в черте города, в подгорной его части, с построенными на берегу чьими-то заботливыми руками столы и лавочки. А в лесу, - только клещей цеплять. Такова уж особенность сибирского климата.

Майский лес уже проснулся от зимней спячки. Казалось, что именно под пение птиц на берёзах появилась листва, светившаяся таким ярким, свежим цветом, который бывает только в самом начале, когда листики ещё молодые и сочные. Все блестело и искрилось сейчас после дождя. Солнце пробивалось сквозь раскидистые ветки, наполняя рощу, а, вместе с ней и душу, тем сказочным светом, какой бывает на картинках в детской книжке. Берёзовая роща, находящаяся сразу за выездом из города, была излюбленным местом грибников. Грибы пока не пошли, и делать в ней простому горожанину в начале мая было нечего. Пикники тут тоже никто не устраивал. Так уж повелось, что местные, строго соблюдая правило беречь лес от огня, никогда не устраивали посиделок в этом лесу. Прекрасно понимая, что, случись пожар, остановить его будет невозможно. В сотне метров начинались жилые дома, частный сектор, который при наличии ветра, вспыхнул бы как спичка. Для посиделок у костра под гитару и незатейливые горячительные напитки молодёжь использовала берег реки, находящейся в черте города, в подгорной его части, с построенными на берегу чьими-то заботливыми руками столы и лавочки. А в лесу, - только клещей цеплять. Такова уж особенность сибирского климата.

Но сейчас волшебное очарование и тишину леса нарушали десятки голосов, находившихся здесь по весьма серьёзному поводу. Пропал ребенок.

Девочка Машенька, трёх лет от роду, жила с родителями и старшим братом Артёмом, одиннадцати лет, в том частном секторе, что почти вплотную подходил к берёзовой роще. Ещё вчера вечером, до заката солнца, она с братишкой играла в песочнице на лужайке около дома, а когда мальчик отвлёкся на подошедших к нему друзей, - много ли интереса возиться с малявкой, - сестренки не было. Сначала, как это всегда бывает, подумали, что девчушка где-то рядом. Мы часто недооцениваем возможности детей, думаем, что уйти далеко такие малыши не могут. Искал своими силами, не очень то и переживая. Потом, спустя полчаса, пошёл сдаваться родителям.

Семья Сосниных была самой обычной для этого города, - мама работала в местном музее, папа – водителем городского автобуса. Когда поиск своими силами и силами соседей ничего не дал, и стало понятно, что самим не справиться, ведь близилась ночь, а, вместе с ней и

понижение температуры, вызвали полицию. К ночи в доме Сосниных расположился штаб, а у дома пропавшей собралось достаточное количество человек, готовых помогать в поисках. Кроме родителей и родственников, друзей, знакомых, соседей, просто людей, откликнувшихся на призыв в социальных сетях о помощи в поиске ребенка, в город приехал отряд добровольцев поискового отряда из областного центра. Благо езды было два часа. Именно поисковый отряд, как самый подготовленный и имеющий необходимую амуницию, отправился прочёсывать рощу, прихватив с собой мужчин, имеющих отношение к лесу: лесников из местного лесничества, охотников и рыболовов. Всю ночь лил дождь, но мужчины проходили квадрат за квадратом, понимая, что в такой ситуации останавливаться нельзя не на минуту. А утром, когда дождь стих, ушли облака, и ласковое весеннее солнце осветило все вокруг, пятерка под руководством поисковика из области, нашла труп.

Тело мужчины лежало на прошлогоднем покрывале из опавших листьев, прикрытое ветками. Оно находилось в перелеске, в ложбинке, где после майских дождей скопилась вода. Его могли бы и не заметить, из под вороха наломанных наспех веток торчала только нога в модном, дорогом ботинке. Носок сполз, обнажив бледную, синюшную полоску кожи. Штанина, напротив, задралась, намокла, встала пузырьём. Его могли никогда не найти. По прошествии времени, летнее тепло и свежий воздух сделали бы свое дело – тело начало бы пахнуть, привлекло внимание зверья, а уж они закончили бы начатое убийцей, – скрыли улики и сделали невозможным опознание. Грибники сунулись бы в рощу не раньше конца мая, проверить, не пошли ли первые подберезовики. Но все пошло не по плану. Пропал ребенок.

Старший следователь уголовного розыска Сергей Ефимов находился в добротном деревянном доме семьи Сосниных, когда ему позвонили. Всю ночь он вместе со своими коллегами провёл в лесу, искал пропавшую Машеньку. Только в восьмом часу утра вернулся в штаб, чтобы скорректировать на месте уже пройденное, выслушать людей, собрать воедино всю информацию за ночь, если получится, – глотнуть горячего кофе, и снова выдвигаться на поиски, пока не стало слишком поздно. Глядя на карту, Ефимов отметил про себя, сколько квадратов пройдено, на какие стоит обратить внимание повторно, и радовался, что с наступлением утра можно поднять в воздух квадрокоптеры, которые были у поисков, и еще несколько предоставили равнодушные жители. Главное было успеть, найти ребенка живым и здоровым, пока он не наткнулся на зверя. О том, что девочка могла попасть в лапы зверя в человеческом обличье, Сергей старался не думать.

Одна из соседок, которые остались с мамой девочки для поддержки, приготовила кофе и бутерброды для вернувшихся вместе с оперативником людей, чтобы они могли хотя бы полчаса передохнуть и согреться. Сергей от бутербродов отказался. Не потому что не испытывал голода, наоборот, в желудке противно сосало и бурлило, он и забыл, когда ел накануне. Просто заставить себя сейчас съесть хоть что-то он был не в силах. От выкуренных сигарет горело горло, подступала тошнота, и крепкий, сладкий кофе был очень кстати. Сесть на стул, расслабиться, отогнать все мысли, хоть пять минут, чтобы снова, вызвав второе дыхание, зайти в лес. Но мысли не уходили, путались, рисуя в уставшем мозгу картины одна страшнее другой. Сергей выпрямился и помотал головой, сгоняя наваждение. За окном, во дворе он услышал громкие крики, и не сразу понял, радостные они или это истерика от страшной находки. Тренированные ноги сработали быстрее мозга. Он вскочил, пулей выскочил во двор, на ходу застёгивая ветровку. Первое, что бросилось в глаза, было опухшее от слёз, зареванное лицо мамы Машеньки, – Натальи Сосниной, которая сейчас также, плача навзрыд, прижимала к себе ничего не понимающую сонную дочурку.

– В будке, в будке у Пирата была! – голосила рядом соседка Сосниных через два дома, Галина Филипповна Поморова, пенсионерка, 40 лет отработавшая в школе, учителем истории. – И смотри ты, какой сон крепкий у ребенка, ни сирены, ни шум не разбудили.

Девочку уже осматривал фельдшер машины скорой помощи, дежурившей у дома всю ночь.

Выяснилось, что ребенок заскучал, и, когда брат отвлекся, пошёл по дороге за бабочкой. Калитка у соседей была открыта и Маша безбоязненно зашла внутрь. Много раз она бывала у Поморовых вместе с мамой. Под окнами прошла незамеченной из-за своего небольшого роста и вышла к собаке. Пират был старым дворовым псом, ростом чуть ли не выше девочки, но очень добрым и ласковым. С первого дня их знакомства он взял на себя негласную обязанность присматривать за ребенком, когда она приходила в гости. И накануне, видимо, девочка заигралась со своим старым другом, да так и уснула в его просторной будке. За ночь с ребенком ничего не случилось, на пол была подстелена солома, а теплый собачий бок служил и периной, и подушкой.

Не успел капитан Ефимов выдохнуть, как запищала рация, находящаяся в нагрудном кармане.

- Андреич, у нас тут труп, - сказала рация.

- Какой еще труп? Ты чего несёшь, нашли ребенка, жива-здорова, сворачивайтесь уже, - ответил Ефимов невидимому собеседнику.

- Да не ребенка труп, слава богу, а мужика какого-то, - снова сказала рация.

- Повесился? – с надеждой спросил Ефимов. У некоторых жителей была «мода» уйти подальше от чужих глаз в лес, и там, на какой-нибудь красивой березке лишить себя жизни. Но, насколько он помнил, последнее время заявлений о пропаже людей не поступало. Не считая Маши Сосниной.

- Да если бы, - вздохнула рация, - лежит в ложбине, ветками укрыт заботливо, свеженький.

Со вздохом, означавшим, что сегодня позавтракать удастся ближе к обеду, если повезет, капитан пошел к стоящему у ворот полицейскому УАЗику.

- Давай координаты, я сам группу вызову, - сказал он рации.

3 мая, понедельник

Анюта Кудрявцева, то есть, конечно, Анна Васильевна Кудрявцева, старший научный сотрудник краеведческого музея города Березова не спеша шла на работу. Как она любила такие неспешные прогулки, когда можно было не торопясь, без суеты прогуляться по родному городу. Как удивительно, - ты родился и вырос в этом городе, с детства знаешь все улочки и переулки, - странно не знать вдоль и поперек городок с численностью населения в двадцать с небольшим тысяч человек, - но в разные периоды жизни смотришь на него по-новому, замечая каждый раз то, что, казалось, было не важно ранее.

Город имел более чем солидную историю. Среди сибирских городов он был одним из старожилов, разменяв пятую сотню лет, по времени возникновения приходился братом Тюмени, Тобольску и Сургуту. Березов был городом-садом, городом с богатой историей, и это богатство виделось любому приезжающему даже из окна автобуса. Старый центр города, со всеми старинными каменными, полукаменными и деревянными купеческими особняками, сохранившимися по сей день в прекрасном состоянии, оберегался и населением, и властями города. Современный город был малоэтажной застройки, домов выше 3 этажа в нем не существовало. Основную часть составлял частный жилой сектор. Каждый хозяин старался привести свой дом в такой вид, чтобы даже случайный прохожий, унес собой воспоминание о красивом, ухоженном, уютном доме. Около каждого дома обязательно был разбит цветник, и не важно, в палисаднике или на лужайке, словно березовские женщины соревновались между собой, чьи пионы ярче, чьи сорта тюльпанов вызовут больший восторг, чьи георгины пышнее и кустистее. Благодаря всемирной паутине, идей для оформления своих участков было множество. С наступлением первых солнечных дней, еще в феврале, хозяйки не только заставляли ящиками с рас-

садой все подоконники в доме, но и планировали идеи оформления своего цветника. Кто-то собирал по кладовой всю старую обувь: дырявые резиновые сапоги, галоши, ботиночки, чтобы с наступлением тепла высадить в них свои фиалки или анютины глазки. Старый, отслуживший свой век, велосипед выкрашивался в какой-нибудь немыслимый для него цвет и получал вместо сиденья, руля и багажника по ящичку с петуньями. Чья-то супруга, имея мужа с золотыми руками, заставляла последнего сделать такую подставку для цветов, какой не было ни у одной из соседок. В общем, женщины соревновались, как могли. Но ничего плохого в этом состязании не было. Наоборот, город от этого только получал, а женщины учились друг у друга, чтобы на следующий год, еще больше поразить красотой своего участка. Мужчины тоже не отставали. Почти все украшали окна дома резными наличниками, благодаря чему, в Березове, как и сотню лет назад плыло по улицам города это деревянное кружево. Не смотря на то, что все эти способы сделать свои дома и участки краше были сделаны своими руками, а может, и благодаря этому, Березов не смотрелся убого, наоборот, город был похож на яркую иллюстрацию, где много-много цветных, красивых домиков, а их хозяева стучат молоточками, чтобы стало ещё лучше. Пускай в конце весны еще не было того буйства красок, но сирень, а её было несметное количество, и яблони, которые росли даже там, где, в других городах растут только крапива и полынь, радовали не только глаз, но и пьянили своими ароматами всех вокруг. Сам же город жил такой же размеренной и спокойной жизнью, как и сотни провинциальных городов нашей необъятной родины.

Сейчас было самое начало мая, по всей стране люди радовались длинным майским выходным, которые стали неожиданностью. Борьба с пандемией шла уже год, и было решено дать людям перевести дух, посидеть дома, поработать на своих дачных участках. Все массовые мероприятия были отменены, чтобы избежать скопления народа. Но Аня шла на работу. Не потому, что её заставило выйти в законный выходной злобное начальство, - Аня на минутку попыталась представить своего начальника, директора музея, Аркадия Соломоновича Трифонова в роли злобного начальства, и невольно улыбнулась, - просто работу свою она любила, начальство и коллег обожала, и поэтому подводить ни тех, ни других не собиралась, ни смотря не на что.

Музей, в котором работала Анна Васильевна Кудрявцева, располагался в старинном двухэтажном, каменном особняке купца Яковлева. История Березова XVIII-XIX веков, - это история сибирского купечества. Улочки старого города состояли сплошь из старинных, а от этого, величественных купеческих домов. Сибирские купцы возводили солидные домашние строения. Для купца каменный особняк или деревянный дом на каменном фундаменте был визитной карточкой и одним из доказательств его платежеспособности. Купцы брали крупные ссуды под залог домового строения. Так же они, отстраивая дома с торговым низом и деревянным верхом, выступали людьми не только практичными, но и житейски мудрыми. Дерево «дышит» и в деревянном доме человеку, с точки зрения сохранения здоровья, лучше. Порой купцы использовали жилую усадьбу для получения дополнительного дохода. Например, на подворье березовского купца И.И. Лесина, помимо большого двухэтажного деревянного дома было несколько одноэтажных, погреба, кладовые, завозня с конюшнями и сенником. У него снимали квартиру для старшины пароходной пристани И.К. Ильиченко. Своеобразными архитекторами городов были наводнения и пожары. При бесхитростности строений XVII- XVIII вв. город быстро восстанавливался.

Жизнь таких домов - это, прежде всего, жизнь людей, семей, нескольких поколений. А поскольку человеку свойственно изменять окружающую его действительность, в том числе и дома, чаще всего это происходит не в лучшую сторону для последних. Дома теряют свою индивидуальность, свой неповторимый облик, сереют, ветшают, и если человек вовремя не позаботится о них, то просто гибнут. Умелая реставрация является одним из способов продления жизни старых зданий. К счастью, реставрация старинных зданий, которая порой затратна даже

для областного центра, оказалась по карману малому провинциальному городу. Здесь городу повезло, - у него всегда были хорошие руководители, которые душой болели за свою землю. К тому же из Березова вышло много известных людей, чей вес как в политике, так и бизнесе выходил далеко за пределы региона. Благодаря их протекции, почти все дома, нуждающиеся в реставрации, смогли войти в нужные программы и сохранить свой изначальный облик.

Каменный особняк Яковлева Данилы Григорьевича стоял особняком среди других домов, хоть и был младше своих соседей по улице. Он представлял собой пример купеческого жилого дома, выполненного в стиле эклектики конца XIX в. с использованием элементов русского стиля XVII в. и с применением техники лицевой кирпичной кладки. Существует легенда, что дом якобы строился для любовницы купца — актрисы губернского театра Алевтины Усьминской, которая умерла от чахотки, не дожив до окончания строительных работ. Инвестиционные возможности и богатство Данилы Григорьевича позволили сделать предположение, что построенный им дом представлял только часть грандиозного, но не до конца осуществленного замысла. Это подтверждалось сопоставлением осмотра фасада здания, имеющего признаки «внутренней» стены с планировкой принадлежащего Яковлеву земельного участка. С большой степенью вероятности можно полагать, что построенный дом представлял только первую очередь строительства задуманного здания, — его правый фланг. Дом не был завершен, скорее всего, с изменением жизненных планов Данилы Григорьевича в связи со смертью любимой и революционными событиями. После революции дом был муниципализирован, и в разные годы в нем находились: амбулатория городской больницы, библиотека парткабинета, отдел культуры, а с 60-х годов XX века – историко-краеведческий музей.

Подойдя к центральному входу, Аня, легко перепрыгнув через ступеньку, потянула на себя массивную дверь. Внутри пахло историей. Анята обожала этот запах, - пахло покоем, тишиной, старой кожей, бумагой, деревом, и, конечно же, тайнами. Мазнув взглядом по своему отражению в старинном зеркале, которое висело как раз напротив входной двери, Анна направилась в прямиком свой кабинет. Она занимала должность заместителя директора музея, приходила на работу и в выходные, поэтому ключ от кабинета имела свой, и не брала у вахтерши, как другие сотрудники. Так как сегодня и ближайшие дни экскурсий не было, бессменный сторож, ключник и билетер в одном лице Мария Филипповна, была дома со своими детьми и внуками. Музей, конечно, находился под охраной, на ночь ставился на сигнализацию, а утром ее отключал приходивший раньше всех Аркадий Соломонович. Сегодняшнее утро не стало исключением. Аркадию Соломоновичу было 70 лет, но, не смотря на почтенный возраст, старик был в здравом уме, и не менее ясной памяти. Преданно любил свое дело, болел за него всей душой, посвятив музейному делу без малого полвека.

Анята первым делом прошла в свой кабинет, там, накинув на плечи вязаную шаль-паутинку из оренбургского пуха, - в каменном здании было еще прохладно, а отопление отключили как раз перед праздниками, - она полила цветы на подоконнике, открыла окна, чтобы впустить в кабинет теплый воздух с улицы и подошла к столу. Первым делом нужно было разобрать бумаги, потом можно было сходить к Аркадию Соломоновичу, поздороваться и обсудить план работ на вторую половину мая, когда все выйдут с отдыха.

Всю прошлую неделю сотрудники музея работали над экспозицией новой выставки, посвящённой истории родного края. Изюминкой этой выставки должна была стать тетрадь, найденная совсем недавно в одной из стен подвала музея. В начале весны, из-за перепада температур, в подвальном помещении, тоже каменном, провратило трубу отопления, и рабочим, устраняющим неполадку, пришлось долбить стену, благо толщина стен составляла порядка 80 сантиметров, и зданию это не повредило. При проведении работ и был найден кованный ларь, в котором сотрудники музея с удивлением обнаружили семейный архив купца Яковлева, состоящий из портретов членов семьи, как художественных, так и фотографических, записных книжек, различных чеков и тетради, которая, вероятно, служила дневником первого хозяина дома,

Данилы Григорьевича Яковлева. Для небольшого городка, такая находка стала сенсацией, и, хоть экспонаты пока не были включены в общий музейный банк данных, нужно было пройти стадию описания и утверждения, тогда их внесут в каталог и возьмут под охрану государства, а пока было решено подготовить выставку и показать жителям города, интересную находку.

Всю неделю коллектив музея готовил выставку: сверялись с фондами, сравнивались с другими снимками фотографии, уточнялись хронологические рамки заполнения блокнотов, готовились заголовки, оформляли витринах. Анна взяла на себя подготовку презентации выставки, на открытие которой были приглашены первые лица города, - сотрудники мэрии, журналисты, краеведы, почётные граждане города. Чтобы дело шло быстрее, она взяла для ознакомления найденный дневник, чтобы хорошо его изучить, экспертизы ещё не было, и то, что писал его сам Данила Григорьевич, было лишь догадкой музейных работников. Выносить экспонаты за пределы музея было категорически запрещено, но найденные предметы таковыми пока не являлись, и теоретически можно было взять эту работу на дом, Анна работала с дневником у себя в кабинете. Сейфа не было, - откуда ему взяться, но кабинет запирался, ночью включалась сигнализация, и беспокоиться было не о чем.

Анюта опустила́сь на стул, потянула руку к верхнему ящику стола и заглянула внутрь. Под кипой чистой бумаги она старалась нащупать ту самую тетрадь, но не находила её. Анна ещё раз внимательно изучила содержимое ящика стола. Потом проверила другие ящики. Безрезультатно. Затеряться с бумагами она не могла, тетрадь имела толстую обложку, большой формат, в столе у девушки всегда был образцовый порядок. Анюта задумалась. Может перед уходом домой в пятницу, она переложила документ? Да нет, в кабинете все было на виду, шкафы имели стеклянные дверцы, в них рядами стояли современные офисные папки с бумагами. Столетняя тетрадь выделялась бы на их фоне. Ключ от кабинета был у Анюты и у директора музея. Конечно, Аркадию Соломоновичу просто понадобилась тетрадь, он её взял, а вернуть забыл, решила Анна и решительно вышла из кабинета.

Глава 2

- Доброе утро, Аркадий Соломонович, - старик сидел в своем кресле за письменным столом, почти с головой заваленный бумагами.

- Анечка, рад тебя видеть, - оживился мужчина, улыбнулся, и было видно, что он действительно рад своему заместителю, - всё не сидится тебе дома, отдыхала бы, всей работы не переделаешь.

- И это говорит мне человек, который приходит первым на работу, и уходит после всех, - засмеялась Аня.

- Да уж, доживёшь до моих лет, дети, внуки далеко, супруга моя, Галина Григорьевна уже третий год на погосте, да что я тебе рассказываю, ты все про меня знаешь, Анечка, - глаза старика стали влажными, он до сих пор с болью в сердце говорил о потере любимой жены. Аркадий Соломонович поспешно отвернулся, снял очки и стал тщательно протирать линзы.

Аня с глубокой печалью смотрела на сутулую спину старика. Про себя отметила, что неизменный пиджак в коричневую клетку, который, как она помнила из рассказов самого директора, ему на годовщину свадьбы подарила его любимая Галина Григорьевна, стал велик, висел на старике мешком. Как же сильно он осунулся и похудел за это время. Аня помнила Аркадия Соломоновича еще со счастливых школьных лет, когда они всем классом, во главе с классной руководительницей вместо урока истории приходили в музей послушать тогда еще молодого мужчину, - Аркадия Соломоновича. Ребят захватывали его рассказы и экскурсии по теме Великой Отечественной войны, периода репрессий, о ярмарках и купцах, но особенно нравились городские легенды, коих их экскурсовод знал немало. Правда и вымысел переплетались воедино, звучали одной мелодией, что и не возможно было определить, что из сказанного факты, а что фантазия горожан. Особенно любили дети легенду о подземных ходах под городом, которые, как было принято считать, пронизывали город чуть ли насквозь, начинаясь под старым винокуренным заводом на краю города, проходили через весь город и заканчивались на другом берегу реки. И сейчас этот удивительный рассказчик, кумир всех без исключения школьников города, настоящий патриот своей малой Родины, стоял поникший и пытался скрыть от чужих глаз слезы тоски по любимой, но так рано ушедшей от него женщины.

Анюта поспешила сменить тему разговора, пока начальник совсем не раскис.

- Аркадий Соломонович, я пришла подготовиться к презентации выставки, проработать с дневником Яковлева. Вы не могли бы мне его дать?

- С удовольствием, Анечка, но я не брал его в руки с того момента, как приступили к монтажке выставки. Возможно, кто-то из девочек взял?

Девочками он называл хранителей фондов, - Маргариту Степановну Троицкую, - пенсионерку, и Наталью Кирилловну Соснину, - маму пропавшей накануне девочки. Так же в музее работали: один научный сотрудник, Максим Петрович Ровенский, - молодой аспирант, пришедший в музей сразу после окончания института, и работавший уже третий год, приходящая уборщица и Мария Филипповна Котова, которая совмещала в себе функции дневного, вахтера, билетера и гардеробщицы.

- Да нет, Аркадий Соломонович, - голос у Анны начинал предательски дрожать, - в том то все и дело, что в пятницу дневник лежал у меня в кабинете, а сегодня его там не оказалось.

- Ну-ну, полно тебе, не паникуй раньше времени, - Аркадий Соломонович поднялся из-за стола, подошёл и обнял девушку. - Я уверен, что все образуется. Сейчас я налью тебе чаю с мятой, ты успокоишься, и мы вместе посмотрим у тебя в кабинете.

- Но я точно помню, что положила его в верхний ящик стола! Ни куда не перекладывала!

- Девочка моя, я много лет уже живу на этом свете, и знаю, что наше подсознание играет порой с нами разные шутки. Вот ты искренне уверена, что не переключивала тетрадь, в то время как могла машинально положить ее в другое место и не заметить. Бывало ли у тебя, что ты открыла конфету, задумалась, и выбросила в урну не обёртку от нее, а саму конфету? Или, скажем, вскипевший чайник в холодильник убрать не пыталась? Так бывает, и если с чайником ты сразу бы обнаружила оплошность, едва открыв дверцу холодильника, с удивлением посмотрела бы на горячий чайник в руке, то в нашем случае, ты просто убрала тетрадь в другое место, ведь нет ничего удивительного в том, чтобы убрать бумажный документ в шкаф с бумажными документами. А не запомнила, потому что сделала это на автомате, что-то отвлекло тебя, когда ты хотела положить тетрадь в стол, вот так и получилось. Твой мозг просигнализировал, что ты убрала тетрадь, руки действие не довели до конца, вот и все.

Аня сидела на стуле, обхватив кружку с чаем руками, прихлебывала из кружки и слушала доводы директора. Да, наверное, он прав. Нужно успокоиться и еще раз все просмотреть.

Через три часа осмотр Аниного кабинета, кабинета хранителей и научного сотрудника, а также кабинета Аркадия Соломоновича был закончен. Ничего. Тетрадь пропала, как будто ее и не было.

- Что же теперь делать? – в отчаянии спросила Аня.

- Даже не знаю, Анечка, – сказал старый директор – по-видимому, нужно вызывать полицию. Только не знаю я, как они возьмутся за поиски, ведь, по большому счёту, это не музейный экспонат. Пока. В описи он есть, но она еще не утверждена, так что, теоретически это не кража ценного музейного экспоната.

-А давайте сделаем так, Аркадий Соломонович, я сама пойду в отделение, тут ведь через дом здание полиции. И уже на месте все разузнаю, примут они заявление, или нет. Хотя... Вот кому могла потребоваться старая тетрадь, ведь в ней не было ничего ценного. Я читала дневник, и хорошо помню, что ничего особенного в нем не было.

-Да, хорошо еще, что Наташенька Соснина успела оцифровать ее. Хоть в таком виде она у нас осталась. Да и сотрудникам полиции легче объяснить, что у нас пропало.

- Тогда решено, - Аня посмотрела на часы, - сейчас половина второго. Я отправлюсь в полицию, попробую добиться, чтобы у нас приняли заявление. Все-таки это у меня из кабинета пропала тетрадь. Мне этим и заниматься.

- Хорошо, пусть так. И ещё, Анечка, постарайся не распространяться среди знакомых об этом нашем, - Аркадий Соломонович запнулся, подбирая слово, - ЧП.

-Да что вы, Аркадий Соломонович, конечно, я никому не скажу. Будем надеяться, что тетрадь найдётся до открытия выставки. Ну, я пошла?

-Удачи тебе, девочка, - старый директор ласково погладил Аня по спине, - и не переживай так, твоей вины в этом точно нет.

Старший следователь уголовного розыска Сергей Андреевич Ефимов стоял у окна своего кабинета и с тоской смотрел в пыльное окно. На улице цвела сирень, было тепло, пели птицы, а у него на столе тоже наклеивалась птица, - он усмехнулся про себя, - глухарь называется. Тело, найденное утром в загородной роще, документов при себе не имело, отпечатки пальцев в картотеке не значились. Не привлекался. Ни свидетелем не был, ни подозреваемым, ни потерпевшим. Хотя сейчас да, потерпевший самый настоящий. Признаков насильственной смерти, на первый взгляд, не было. Но это уже потом, точно будет после вскрытия. За последнее время заявлений о пропавших по городу не имелось, по району тоже. С прошлого грибного сезона два грибника пропали, но тем лет по 80 было, муж с женой, ушли утром в лес, и все, больше их никто не видел. Да и то это, на том берегу реки, в деревне. А этому покойнику, от силы сутки. И лет ему не больше 60-ти. Ладно, в лес пришел сам, умер сам, но кто его ветками то забросал, вот в чем вопрос. Значит, с кем-то был. А что делал там? Почему тот, второй, если

товарищу плохо стало, не сообщил куда? Значит, не товарищ он ему, это и ежу понятно. Да и как личность устанавливать? Сергей покосился на кипу фотографий, которые были сделаны в лесу, со всех ракурсов, еще и лицо покойного крупным планом. Попросить, что ли ребят, чтобы фоторобот по фотографии составили? Через газету обратиться, может, опознает кто? Ведь реальное фото в газете не опубликуешь.

Дверь скрипнула, и в неё просунулась голова Лешки Сухого.

- Сергей Андреич, примите дамочку, а? Она мне весь мозг съела чайной ложкой, украли у нее что-то ценное, из музея, говорит. А я ей говорю, чтобы наряд вызывали, а она говорит, что и вроде, как и не из музея. То есть, она говорит, из музея, но, говорит, не совсем из музея, а я говорю...

- Давай сюда свою дамочку, - Сергей и рад был, с одной стороны отвлечься от глухого дела, перекинуть своё внимание на что-то другое, а там, глядишь, и свежие идеи появятся. Сколько лет проработал Сергей Ефимов в милиции, потом и в полиции Березова, начиная с простого участкового. Никогда такого непонятного убийства-неубийства не было. Были конечно убийства, но то в драке по-пьяни, или бытовое, опять же, по пьяному делу. Раз было, что ревнивая жена и мужа, и любовницу порешила, застукав на месте преступления, так сказать. Там даже собачку не пожалела, любовницы собачка была. Её тоже убила дамочка. Хотя, в той ситуации, жаль, наверное, было по-настоящему, только собачку. Остальные участники той истории относились к асоциальному элементу, вели такой же образ жизни, как, впрочем, и почти все участники - фигуранты, с которыми Сергею доводилось иметь дело.

В дверь тихо, но уверенно постучали. Ах, да, дамочка из музея. Сергей ожидал увидеть перед собой даму балзаковского возраста, высокую, сухую, как хворостина, пальцы в перстнях, камешка на шее, на голове пучок. Почему то таким ему виделся образ музейной дамы, и обязательно, с веером. Откуда взялся этот веер, Сергей и сам объяснить не мог, но веер почему-то должен был быть. И все тут.

- Входите-входите.

Дверь отворилась, и Сергей Ефимов уставился на вошедшую во все глаза.

-Добрый день. Меня зовут Анна Васильевна Кудрявцева, я заместитель директора краеведческого музея, и у нас пропал экспонат. – В голосе девушки звучало большое волнение. Но оно и понятно, экспонат пропал, это вам не кошелек на базаре вытащили, подумал Ефимов.

Вместо того чтобы тоже представиться, Ефимов без стеснения разглядывал гостью. Почему то в этот момент ему подумалось, что, если бы в его детстве все работники музеев были такими, как Анна Васильевна Кудрявцева, то он, возможно, связал бы свою жизнь с музеем, краеведением, научной работой, и ещё черт знает чем, лишь бы быть поближе к такой вот странной и неземной женщине.

Невысокого роста, стройная, даже худенькая, вся какая-то легкая и воздушная, Анна Кудрявцева сидела перед ним в таком платье, которое было похоже на старинное, но сразу было ясно, что оно не старинное, а, наоборот, совсем современное, и имеет, - Сергей это точно знал, - какое-то свое название. Название крутилось в голове, и никак не вспоминалось. А еще у Анны Кузнецовой были тонкие кисти, длинные пальцы с красивыми ногтями, и никаких колец. Образ портила только надетая на лицо медицинская маска, подбородок, рот и нос были скрыты, от этого изумрудные глаза посетительницы казались огромными.

- ...поэтому мы не стали вызывать полицию на место происшествия. Ведь тетрадь не учтена в фондах музея, а значит, не музейный экспонат. И что нам теперь делать, мы знаем.

Так, стоп. Сергей потёр затылок. Весь рассказ этой прекрасной незнакомки он пропустил мимо ушей, а переспрашивать было не то, чтобы невежливо, просто, нужно было знать, о чем переспрашивать. А Сергей не слушал. Да, дела, брат.

-Так, давайте сделаем вот что. – Попробовал он выкрутиться. – Я дам вам листок бумаг, вы постараетесь четко описать все события сегодняшнего утра, с момента обнаружения пропажи. Тогда и решим, как нам быть дальше.

Сергей открыл папку, чтобы взять лист бумаги, а оттого, что сильно торопился, стараясь исправить свою вину за невнимательность, а, перед собой, даже за непрофессионализм, сильно дернул лежащую здесь же папку по утреннему трупу, и фотографии с места происшествия веером спланировали на пол, к ногам девушки.

Он кинулся тут же собирать снимки, чтобы не шокировать ими прекрасную незнакомку, но она уже вцепилась в одну из фотографий, именно ту, на которой погибший был изображён крупным планом.

- Ой, что это, он, что, мертв? – Подняла она на него свои синие глаза. Глаза, и так от природы большие, сейчас стали похожи на блюдца, в которых плескалось море. Море и ужас. Даже маску отдернула на подбородок.

- Это к нашему с вами делу совсем не относится, давайте я сейчас все соберу, и мы продолжим. – Сергей попытался вырвать из рук девушки страшную фотографию.

- Нет, подождите. Это же..., - она запнулась – это же Красильников? Что с ним? Его, что, убили?

- Какой Красильников? Вы его знаете?

- Я, конечно, могу ошибаться, видела его только однажды, но, по-моему, это Фёдор Иванович Красильников, он приходил к нам в музей. Конечно, нужно у Наточки спросить, у Натальи Кирилловны Сосниной, это наш хранитель, она точно должна помнить.

- Вы утверждаете, что этот человек, что на фотографии, приходил к вам в музей? И его зовут Фёдор Иванович Красильников? Так?

- Так.

- А когда он к вам приходил? Давно? Можете вспомнить? – от растерянности Сергея не осталось и следа, он взял след, как охотничья собака, и не собирался его упускать.

-Так в пятницу приходил. Уже к закрытию музея. Мы как раз выставку про купца Яковлева начали монтировать. Я бы может, и не узнала его, он ведь в маске был, у нас с этим строго, на экскурсии только в маске. Это мы между собой, когда посетителей нет, не надеваем, а так следим за этим. Вот. Он значит, в маске прошёл, а потом, уже по ходу экскурсии ему душно стало, покраснел весь, задыхаться начал, маску снять пришлось, мы ему ещё воды принесли попить, отдышаться.

-Что же ему нужно было? Просто захотел посетить провинциальный музей?

- Да нет, конечно. Он сам живет, жил в Питере, а к нам приехал, потому что предки его из этих мест. Так он сказал. С ним Наташа Соснина больше разговаривала. Нужно будет у нее уточнить.

- Нужно будет – уточним, не сомневайтесь.

- Вот. А мы все внизу, в большом зале были, где выставку ставим. Не часто к нам гости почти из столицы приезжают. Мы, конечно, ему экскурсию провели, чаем напоили. А потом он ушел.

- Как долго он у вас пробыл, чем то конкретным интересовался? Еще прийти обещался?

- Да нет. Экскурсию посмотрел, поблагодарил и ушел. Разве что...

- Что?

- Мне показалось, что зашел он просто так, от скуки, и по залам ходил из вежливости, а вот к истории самого особняка, ну, в котором музей наш находится, у него интерес был. Глаза горели, когда он об этом слушал, да еще и историей купца Яковлева интересовался.

- Так, вот это уже интересно. – Сергей постучал пальцами по столешнице. - А скажите-ка, Анна Васильевна, мог этот, как вы говорите, Красильников видеть в тот день эту вашу тетрадь, которая пропала?

На Анну Васильевну было больно смотреть. Хоть она и старалась держаться ровно, без истерик, но видно было, что ее осенила такая же мысль, что и Сергея Ефимова минуту назад. Пальцы, те, которые без колец, задрожали, когда она поднесла руку к губам.

- Да неужели.... Да разве такое может быть, чтобы... - она взяла себя в руки – Да, вы знаете, мы ведь чай пили в моем кабинете, а на столе у меня лежал дневник Яковлева. Я как раз работала с ним в пятницу. И Фёдор Иванович спросил у меня, что это за документ такой. Я ему и пояснила, что он пока не в фондах музея, но обязательно войдет, и зачем то добавила, что, возможно эта тетрадь и станет символом нашего музея, ведь принадлежала хозяину особняка, в котором ныне этот музей и располагается.

- А вы, случайно, не рассказывали ему, как была найдена эта тетрадь?

- Рассказывала. Но в этом уж точно тайны никакой нет, заметка о находке ларя публиковалась в районной газете еще в начале весны. Да там и про дневник было сказано.

- Знаете что, Анна Васильевна, а давайте-ка сделаем так. – Сергей посмотрел часы, которые висели в кабинете над входной дверью. Часы показывали половину пятого – Ваш рабочий день, наверное, уже заканчивается. Вы не будете против, если я подвезу вас до дома, по дороге вы еще раз расскажите мне все, начиная от находки ларя, а завтра я наведаюсь к вам в музей, и все там осмотрю.

- И снимите отпечатки пальцев? – Почему-то Аняте казалось, что, как только отпечатки пальцев будут сняты, так сразу и преступника найдут, и тетрадь вернут.

- И сниму отпечатки пальцев. – Успокоил её Ефимов. – Просто сегодня мне еще нужно будет связаться с ребятами, что бы проверили на счет нашего неизвестного, который, оказывается, вполне себе известный. Так что завтра с утра надеюсь прийти к вам в музей с новостями. Ну что, поехали?

Ефимов вышел из-за стола, и, не дав Аняте опомниться, открыл перед ней дверь.

Вскоре они мчались по городу в направлении улицы Сиреновой, на которой жила Анна Васильевна Кудрявцева.

Глава 3

Поднявшись к себе в квартиру, Аня первым делом приняла душ, переоделась в домашний костюм, приготовила себе кофе, села и задумалась. Нужно было что-то поесть, ведь весь день в заботах и утренний завтрак был подкреплен только чаем с мятой, выпитым ещё до обеда в кабинете Аркадия Соломоновича. В животе бурлило, и было принято решение не тратить время на готовку, а перекусить бутербродами. Так она и сделала. После перекуса, в голове посветлело, душ и кофе придали сил. Аня позвонила матери, узнала, как они там.

Родители Анны жили раньше в Березове, в той самой квартире, в которой теперь жила Аня с сыном Серёжей. Аня же, окончив школу, поступила в университет в областном центре, на факультет истории и права. Ещё на четвертом курсе, встретив, как, тогда казалось того самого, забеременела, вышла замуж. В академический отпуск не уходила, с сыном помогала сидеть свекровь. Закончив учёбу с красным дипломом, Анна проработала в главном музее области 7 лет, а потом вернулась в родной Березов. Семейная с мужем жизнь окончательно утратила даже подобие таковой, хоть помощь свекрови была очень кстати, но Анна решилась на развод, чтобы не мучать ни себя, ни горе-супруга, ни сына. Нет, Антон не пил, не распускал руки, он, по сути, был добрым и отзывчивым. Просто его эта отзывчивость тратилась не на семью, а на друзей, которым он всегда спешил на помощь, даже если без его участия могли спокойно обойтись. Деньги, которые он зарабатывал, он вечно кому-то одалживал, ему их вечно не возвращали, все выходные пропадал на каких-то дачах, стройках у друзей, соседей друзей, друзей соседей и т.д. Аня же в это время разрывалась между работой, маленьким Сережей, больным свёкром, потому как ухаживать за ним одной свекрови было очень тяжело. После смерти свёкра, Аня уговорила маму Антона съездить в санаторий, отдохнуть и поправить свое здоровье. И даже здесь её муж, зная, что нужно будет отвезти мать на ж/д вокзал, в последний момент сорвался и поехал помогать какому-то новому другу. Это и стало последней каплей. Хотя в глубине души Аня честно отвечала себе, что любви между супругами нет и никогда, наверно, и не было. Увлечение, которое могло погаснуть также быстро, как и загорелось, удержалось с беременностью Аня и рождением Сережи. И ещё, Анна очень прикипела к матери мужа, уж очень она искренне любила своего внука, и желала детям только самого хорошего. Пока свекровь была в санатории, а Антон на общественных работах, Анна собрала вещи и сына, вызвала такси и уехала домой. Свекровь все поняла, она и так, как мудрая женщина все понимала, тем более, после развода внука к ней привозили, общаться не запрещали, а Антон после ухода жены, не опустил, на удивление, не запил, а, наверное, переосмыслил что-то, уволился и уехал за длинным рублем на Север, высылая сыну неплохие алименты. То, что он не стал устраивать бывшей жене скандалов, не пытался ее вернуть, Аня только обрадовалась, значит они оба не испытывали тех чувств, способных сохранить брак. А раз так, то и пытаться нечего.

Родители Анны спокойно восприняли развод дочери, в их семье с детства уважали мнение других членов семьи, поэтому никаких причитаний на тему «кому ты нужна будешь с ребенком» не устраивали. Они прекрасно понимали, что их дочь умница, работа есть, - Анну с радостью приняли в местный музей сразу на должность заместителя директора, т. к. о её заслугах знали, знали о её порядочности и компетентности, ведь во время учёбы практику она проходила именно в Березове. В общем, развод прошел быстро и безболезненно для всех сторон, даже фамилию менять не пришлось. Муж Анны был её однофамильцем, тоже Кудрявцевым, Единственное, что нужно было решить, это вопрос с жильём. С мужем у Анны своего жилья не было, они жили в квартире, доставшейся в наследство от бабушки Антона, и, вернувшись в Березов, нужно было снимать квартиру. Создавать неудобства родителям, хоть у них была двухкомнатная квартира, Анна не хотела. Но все разрешилось само собой. Отец, который

всю жизнь отработал на вредном производстве, вышел на пенсию, а ещё молодая, в общем-то, мама, проработавшая всю жизнь учителем музыки в школе, заработала пенсию по выслуге лет. Пусть небольшую, но все же.

В деревне, в сорока километрах от Березова у Анюты жила бабушка, ей было уже за девяносто, когда она резко слегла, и через неделю её не стало. Погоревав, родители, не знали, что делать с домом. Дом был крепкий, построенный после войны для большой семьи Кудрявцевых, дети разъехались, в Березове остался только Василий Васильевич, младший сын, названный в честь отца. Все эти годы он исправно следил за домом, помогал матери, поэтому дом остался в приличном состоянии. В нем были проведена вода и канализация, даже сделано электрическое отопление, на случай сильных морозов, или когда бабушка не сможет сама растопить печь. Газового отопления не было, но его, в сущности, не было и в самом Березове, поэтому, о чем и говорить. Посоветовавшись, родители вынесли дочери свое решение, которое не подлежало обсуждению, - они переезжают жить в деревню, а она остается в городе, привозя внука на все каникулы на свежий воздух. К тому же, в д. Таёжное, куда переехали родители, была девятилетняя школа, туда и устроилась мама Светлана Петровна на полставки учителем музыки. Отец, который всю жизнь рос в деревне, развел скот, - кур, гусей, свиней. А через год деревенской жизни, изучив все тонкости дела, приобрел пчелиные семьи, и, Кудрявцевы, кроме свежих овощей и ягод с огорода, домашних яиц и мяса, стали наслаждаться еще и терпким, целебным мёдом.

Вот и сейчас, десятилетний Сережа, любимец семьи, находился у любимых бабушки с дедушкой. Ранними утрами, еще до восхода солнца, ходил он с дедом на рыбалку, к реке, что протекала прямо за огородами, потом целыми днями гонял на велосипеде по пыльным деревенским улицам с такими же сорванцами, и был абсолютно, как бывает, наверно, только в детстве, счастлив.

Представив, чем сын сейчас занят в деревне, Анюта улыбнулась. Детство так быстро течет, но так насыщено, а лето, как в песне, отдельная маленькая жизнь.

Тут мысли плавно перетекли к событиям сегодняшнего такого длинного и утомительного дня. Аня достала ноутбук, который носила с собой на работу, флешку, на которую предусмотрительно скинула папку с оцифрованными листами старого дневника купца Яковлева, и принялась снова вчитываться в потемневшие от времени строки.

Когда она закончила, за окном уже было темно. Не найдя ничего, из-за чего можно было решиться на кражу тетради, Анюта залезла в интернет и просмотрела все, что можно было найти о тетрадях столетней давности. Она предположила, что, возможно, ценно было не то, что записано в тетради, а сама тетрадь. Может быть, какой-то коллекционер захотел заполучить ее в свою своеобразную коллекцию. Но нет, тетрадь была самой обычной, издавалась большим тиражом и не имела абсолютно никаких внешних признаков, по которым могла бы иметь хоть какую-то ценность.

Аня легла спать в твердой уверенности, что завтра с утра следователь, или оперативник, она в этом не разбиралась, Сергей Ефимов, снимет отпечатки пальцев, и выяснит, кто же находился в её кабинете и имел возможность выкрасть музейную находку.

4 мая, вторник

Ночь Анюта спала спокойно, крепко, только лишь под утро ей приснился Красильников, он тянул к ней руки, и его мертвенно бледное лицо было злым, кричал, чтобы она вернула то, что взяла, что ей это не принадлежит. От него несло таким холодом, что Анну во сне стал колотить озноб. Тут же откуда-то взялся Сергей Ефимов, который потянул Анну за руку, рука была теплой, определенно живой, и Анна эту руку приняла, схватилась за неё, и её словно выдернули из ледяного омута на свет, стало тепло, тихо и спокойно. Часы показывали половину седьмого. В принципе, так рано можно было не вставать, но утреннее солнце уже светило во

всю, пробивалось и сквозь листву деревьев за окном, и сквозь плотные шторы, поэтому Анна потянулась, села на кровати, и решила сегодня, раз уж не спится, приготовить завтрак, как и положено.

Завтрак Анна приготовила, но не рассчитала, и получила целую гору пышущих жаром, ароматных, с румяной корочкой сырников. Ничего, часть она решила отнести в музей, угостить Аркадия Соломоновича, и да, этого полицейского, Сергея Ефимова.

Оказывается, ночью была гроза, но Аня ничего не слышала, только сейчас, выйдя из дома, отметила большие лужи, отломанные ветки деревьев, разбросанные по дороге и висящие на проводах. Да, так и до обрыва линии недалеко, подумала Аня. Но у них, к счастью, замечательная старшая по дому, которая обязательно позвонит куда надо, и уже к вечеру все уберут и починят, если это необходимо. После дождя дышалось легко, и на душе было легко, как будто сейчас должно произойти что-то важное, что-то должно разрешиться, тетрадь найдется, и жизнь музея вернется в прежнее русло, потечет плавно и спокойно, как и раньше. О том, что если тетрадь найдется, а значит, найдется и вор, Аня старалась не думать. Ведь если есть вор, то он, скорее всего, из числа сотрудников, вот тогда уж точно, как прежде ничего не будет. Если честно, то Аня просто представить не могла, что кто-то из этих людей, с которыми она проработала бок о бок уже три года, знала их семьи, их жизненные ситуации, способен на такой поступок. Да и вообще, насколько ей было известно, даже в областном музее никогда и ничего из фондов бесследно не пропадало. Это вам не Эрмитаж, это Березов.

Бывало, конечно, что не досчитывались какого-либо экспоната, особенно после выездных выставок, с которыми музей выезжал в сельские местные музеи. Но это объяснялось тем, что при транспортировке, как обычно второпях, положили не в ту коробку, поставили не на ту полку. Потом все находили. Это не беда. Тем более, хранители четко следили за выдачей и сдачей описанных предметов из фондов обратно в хранилище, периодически проводя проверку наличия ценных и особо ценных экземпляров.

Занятая такими мыслями, Аня дошла до здания музея. Сегодня она не слушала пение птиц, не любовалась облаками, а была полностью погружена в свои рассуждения. Поэтому, подойдя к музею, чуть ли не носом уткнулась в бампер полицейского УАЗика. Вот молодцы, время еще и девяти утра нет, а они уже на месте, работают, как обещали. Хотя Ане стало немного обидно, что не она встретила Сергея Ефимова, и не она провела его в свой кабинет. Как будто это было важно, кто покажет ему место преступления, как его называла теперь Аня. Просто, раз уж она явилась вчера сама в отдел, то, по её логике, она и должна была встречать сотрудников сегодня. Хотя вчера вечером они ни о чем таком не договаривались.

Аня вбежала по ступенькам крыльца, толкнула тяжёлую дверь и не поверила своим глазам. Чучело медведя, которое стояло в вестибюле у входа, валялось на полу, дальше шел зал природы родного края, в котором были представлены флора и фауна сибирского края, в нем все было перевернуто с ног на голову. На полу лежали чучела тетеревов, кроликов и куниц, все декоративные элементы сорваны со своих постаментов и разбросаны по всему залу. Она на негнущихся ногах прошла в кабинет Аркадия Соломоновича.

Директор сидел на стуле у окна, обхватив седую голову руками.

- Анечка, девочка моя, ты только посмотри, что они наделали! – он обвел руками кабинет, и Анна заметила, что и здесь вандалы постарались на славу. Все шкафы были открыты, бумаги вывалены на пол, компьютер с рабочего стола директора был сброшен на пол.

- Боже мой, Аркадий Соломонович, что здесь произошло?

- Здравствуйте, Анна Васильевна. – Услышала она голос Сергея Ефимова, и только сейчас заметила, что в кабинете, кроме них находятся еще три полицейских.

- Сергей Андреевич, вы можете объяснить, что здесь все-таки произошло? – строго, стараясь не терять самообладания, спросила Анна.

- Пока точно не известно, но могу сказать одно, - кто-то ночью залез в музей, что-то искал, а не найдя, видимо от злости, разнес все, что только мог. Так мог поступить человек только в приступе сильной ярости.

- Но как же он смог проникнуть в музей, почему не сработала сигнализация? Я не понимаю.

- Анечка, ночью ведь гроза такая была, ветками оборвало линию электропередач, и сигнализация не сработала. – Пояснил Аркадий Соломонович. – Ох, если бы я знал, если бы мог предвидеть такое, остался бы ночевать в музее, и ничего такого бы не произошло. Пришел сегодня пораньше, часикам к восьми, а тут такое.... Вот и вызвал сразу полицию.

- Не вините себя, пожалуйста. Еще неизвестно, как повел бы себя преступник в таком случае. Его, я так понимаю, ничего бы не остановило. А если бы он застал здесь кого-то из нас, вполне расправился бы как с теми чучелами. – Анна снова вспомнила увиденное в зале природы и ее передернуло.

- Знаете что, давайте сделаем так, – сказал Ефимов – мы сейчас найдем какое-нибудь помещение, где можно было бы расположиться с бумагами, там и побеседуем, чтобы не мешать моим сотрудникам.

Два мужчины в полицейской форме осматривали кабинет, снимали отпечатки пальцев, фотографировали, в общем, делали привычную для них работу.

- Я знаю, где можно поговорить. Пойдемте за мной. – Аркадий Соломонович вышел из кабинета и направился к комнате отдыха. Так музейные называли комнатку вахтерши, она тоже находилась на первом этаже и служила местом, где можно переодеться, привести себя в порядок и выпить кофе. В комнате стоял старенький, но вполне приличный диван, накрытый цветастым пледом. Плед этот связала сама Мария Филипповна, коротая дни, когда в музее было мало посетителей и не нужно было продавать билеты. В углу стоял компьютерный стол, списанный когда-то давно, но не выброшенный на помойку, а заново покрашенный. На столе красовалась ваза с букетом сирени и новенький электрический чайник, - подарок сотрудников на день рождения Марии Филипповне, два кресла в комплект к дивану, да стопка женских романов в потрепанных обложках, - вот и вся немудреная обстановка. Но сейчас эта неказистая обстановка казалась образцом тепла и уюта, по сравнению с другими помещениями музея.

- Да, а вот сюда грабитель, почему то не заглянул.

- Ошибаетесь, Анна Васильевна, заглянуть то он точно заглянул. Дверь не запирается, да только что здесь можно искать, сразу ведь видно, что ничего ценного не имеется. Да и сдаётся мне, что искали что-то конкретное, если бы нужно было чем поживиться, наркоманам, например, то грабить музей пошли бы в последнюю очередь.

- Хорошо еще, Анечка, что все витрины целы, стекло не разбито.

- А запасники вы проверили, Аркадий Соломонович? Вдруг и там что-то пропало?

- Нет, там Анята, все в полном порядке. Да, к тому же, двери в хранилище железные, замки надёжные, ключи в сейфе на вахте, а к нему никто не приближался, он, как был опечатан еще до праздников, так и стоит, не тронут. У меня свои ключи, у тебя тоже. А больше здесь никого не было. Кроме преступников разумеется.

- Ну, я думаю, объяснять вам не надо, - сказал Ефимов, - что искали что-то конкретное, именно то, что могло храниться в кабинетах, не нашли, отчего только сильнее разозлились. Сейчас вы постараетесь вспомнить, что такого ценного могло находиться в кабинетах, посмотрите, насколько это сейчас возможно, что пропало и сообщите мне. А я пока пойду к своим сотрудникам.

Он ушел, а Анна с Аркадием Соломоновичем пошли по своим кабинетам, потом прошли по кабинету хранителей, которые делили его с научным сотрудником, Максимом Ровенским, но пропажи не обнаружили.

- Аркадий Соломонович, вы можете считать это глупостью, но другого объяснения я не нахожу. Мне кажется, что тот, кто украл тетрадь, и тот, кто залез в музей, - один и тот же человек. Только не пойму, что такого может быть в этой тетради, я ее уже изучила вдоль и поперек, ничего так особенного ни в самой тетради, ни в тексте не имеется. А музей? Ведь не взяли же ничего, да и брать тоже нечего. Были бы малолетки какие-нибудь, или наркоманы, ну хоть компьютер бы уволокли, он дорогой, современный, продать можно. Ничего не понимаю.

- Вот тут соглашусь с тобой, девочка. Кто бы это ни был, он точно искал что-то конкретное, но не нашёл.

- Ладно, что теперь. Будем надеяться, что полиция найдет, за что можно зацепиться. - Тут Аня вспомнила о сырниках, которые с такой теплотой и любовью готовила и хотела угостить Аркадия Соломоновича. - Давайте-ка чайку выпьем. Я понимаю, что сейчас не до этого, но все-таки, чем-то занять себя надо.

Аня поставила чайник, сходила за заваркой и растворимым кофе, другого в музее не держали, принесла стулья и разлила чай по чашкам. Потом сходила в кабинет Маргариты Степановны и Натальи Кирилловны, там как раз работа была закончена, и пригласила оперативников выпить чаю.

- Спасибо, конечно, за приглашение, Анна Владимировна, - сказал Сергей, - но ребятам пора в отдел, там работы еще невпроворот, а я, пожалуй, останусь. Мне еще с вами протокол подписать, и несколько вопросов задать нужно.

Время неумолимо двигалось к обеду, а Сергей с утра ещё ничего не ел. Поэтому, когда появилась перспектива выпить горячего чаю с домашними сырниками, мысленно поблагодарил небеса, за то, что не оставил ребят самим тут все заканчивать, и не убежал в отдел, ведь и у него работы было предостаточно.

- Только я, если можно, конечно, кофе себе налью.

- Конечно, располагайтесь, Сергей Андреевич. - Аня принесла еще одну чашку.

Сергей Ефимов уже много лет работал в органах, и за это время плохого видел больше, чем хорошего. Он привык пьяным дракам, в которых один собутыльник убивал другого, к кражам в благородных семействах, которые, на проверку, оказывались совсем уж не такими благородными, какими казались на первый взгляд, ко всей этой чернухе он давно относился если не равнодушно, то уж точно без сильных эмоций. Это была его работа, а свою работу он привык делать хорошо. Этого же требовал и от своих сотрудников.

И сейчас, сидя на старом продавленном диване, здесь, в музее, он думал, как же отличаются, и как похожи они с этой Анной Васильевной Кудрявцевой. Человеческой грязи, до этого случая, в музейной работе не было, зато была постоянная работа ума, какие-то выставки, презентации, конференции, сплошная работа с бумагами, планы и отчеты. Бумажной волокиты везде хватало. Но, если Сергей садился за отчеты только тогда, когда время совсем уж поджигало, и откладывать было дальше некуда, то Анна бралась за это весело, с азартом. Она не только с удовольствием взяла на себя некоторые функции директора, - особенно те, что касались компьютерной грамотности, - но постоянно изучала краеведческие новинки, следила за развитием музейного дела, работала в архиве, чтобы внести свой вклад в изучение истории родного Березова. К работе относилась серьезно, со всей ответственностью, что вызывало уважение. Сыщик же, без постоянной мыслительной работы тоже не сыщик, к тому же, заполнение разного рода бланков и отчетов, кроме беготни по городу было неотъемлемой частью их работы тоже.

А вот к внешнему виду подход у них был разительный. Сергей не был франтом, и раз в отделе разрешалось быть на службе в обычные дни не по форме, то он предпочитал удобные и свободные вещи, - свитера, футболки, джинсы, кроссовки. Взгляд его упал на Кудрявцеву. Сколько ей лет? А, да, вспомнил он заполнение протокола, 1989 года рождения, 32 года, в разводе, есть сын, 10 лет. Сам Сергей был на пять лет старше её, но чувствовал себя рядом

с ней намного старше. Он не мог объяснить почему, но это ему очень не нравилось. Отчего-то хотелось, чтобы они были на равных, но получалось, что она такая тонкая и возвышенная, созданная талантливым мастером, а он как будто деревянный болванчик, грубо вытесанный неумелым подмастерьем.

Сегодня на Анне было другое платье, темно-зеленое, с каким-то непонятным, но завораживающим орнаментом, длинное, в пол, и, если бы не каблуки, волочилось бы оно по полу. Отчего-то Сергею вдруг ярко представилось, что Анна в этом невероятном платье бежит босиком по желтому полю спелой ржи, волосы её развиваются, на голове венок из полевых цветов, а навстречу ей, раскинув руки, бежит он. Они встречаются ровно посередине, он подхватывает её на руки и кружит. И чувство невероятной лёгкости вдруг нахлынуло на него, и так радостно ему стало, и лишь какой-то посторонний звук, словно надоедливый комар, мешал полностью насладиться этой пасторальной картиной.

- Сергей Андреевич, у вас телефон звонит. – Вернул его в реальность голос Анны Васильевны.

- Да. Слушаю. – Вынырнул из своих грёз опер Ефимов. – Хорошо, Леха, понял тебя. Скоро буду. Пришел официальный ответ на труп, найденный в лесу. – Обратился он к Анне и Аркадию Соломоновичу. – Да, Анна, вы были правы, это Красильников Фёдор Иванович, жил и прописан в Санкт-Петербурге, одинокий, две недели назад ушел в отпуск. И вот. Ну да ладно, разберемся с этим. А сейчас надо с музеем разбираться. Мне необходимо идти, а вас, Аркадий Соломонович, я попрошу, обзвонить всех сотрудников музея, даже тех, кто не был здесь с начала выходных, и договориться, чтобы все по очереди в течение сегодняшнего дня, подошли ко мне для беседы.

- Вы кого-то подозреваете? – насторожилась Анна Кудрявцева.

- Дело не в этом, просто мне необходимо поговорить со всеми сотрудниками, а беседовать в музее, сами, видите, нет никакой возможности. – К тому же, Сергей знал, что беседа в кабинете оперуполномоченного будет продуктивнее, чем та же беседа в музее, который сейчас больше напоминал собой поле битвы, чем святилище истории.

- Конечно-конечно, Сергей Андреевич, - заверил его директор – всех обзвоню, и к вам направлю, непременно. Сейчас же этим и займусь. Да, Анечка?

- А я тогда пойду, посмотрю, с чего можно начать уборку в кабинетах, хотя, как представлю объём работ, честно, руки опускаются.